

твоей матери только одно и есть доброе дѣло, именно: шли нищіе мимо огорода, въ которомъ твоя мать полола лукъ, и попросили у ней, она-же между тѣмъ пожадничала и дала только вотъ эту поблекшую луковицу. Вотъ она теперь въ рукахъ и находится, какъ знакъ добра“. — „А жалко тебѣ свою мать?“ — „Очень жалко, дѣдушка“. „Пойдемъ же, я повиатащу ее и переведу въ другое мѣсто!“ И вотъ, когда они вошли въ келью, и лишь только при поворотѣ колеса показалась мать, Христосъ (этотъ стари-чекъ) взялъ ее за руку и хотѣлъ ее вести. Въ это время другіе душеньки ухватились на нее, каждая желая освободиться изъ ада, а мать вмѣсто жалости руганью отпихивать ихъ. Тогда Христосъ и говоритъ мельнику: „вотъ сколько она зла: на бѣломъ свѣтѣ никому не дѣлала добра да и здѣсь въ аду, въ мученьи, тоже. Пусть она мучается весь вѣкъ“. И пустилъ Христосъ эту злую женщину въ смолу горячую на самое дно, откуда она выйти не можетъ и вздоха не можетъ перевести. „А это что значитъ“, спрашиваетъ мельникъ, указывая на двѣ другія двери кельи. Христосъ и отвѣчаетъ: „на прекрасномъ лугу сидятъ старушки съ дѣтками,—это спасенныя души; а на льду — это души грѣшныя, изъ нихъ болѣе спасенныя на войлокѣ. А тебѣ, какъ человѣку доброму, дамъ мѣсто пресвѣтлое и прекрасное“.

Боровичскій у. 1903 г.

56. [Спящіе отроки].

Б ы л ь.

Въ одномъ селеньи жилъ богатый мужикъ, который праздниковъ не зналъ, кромѣ Рождества Христова да Свѣтлаго Христова Воскресенья, Бога худо почиталъ и нищимъ милостины никогда не подавалъ. Имѣлъ онъ троихъ сыновей малолѣтокъ. Вотъ старшій сынокъ, гуляя по улицамъ, сталъ замѣчать, что нищіе ко всѣмъ сосѣдямъ заходятъ и получаютъ милостыню, только домъ его родителей почему-то обходятъ. Вотъ онъ однажды приходитъ домой и спрашиваетъ у своей матери: „отчего это нищіе ко всѣмъ ходятъ,

а нашъ домъ мимо проходятъ“. А мать и говоритъ ему: „сынокъ! отецъ твой не любитъ и не почитаетъ нищихъ; всегда ихъ прогоняетъ и не даетъ имъ милостыни, а потому они проходятъ“. Сжалился этотъ мальчикъ надъ нищими, и когда увидитъ ихъ на улицѣ, прибѣжитъ домой, возьметъ потихоньку хлѣба отъ родителей и всѣхъ нищихъ обдѣлитъ такъ, чтобы и сосѣди не увидали. Такъ онъ продолжалъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока отецъ не бралъ его на работу. А когда онъ подросъ и отецъ сталъ его брать на работу, тогда сынъ его, чтобъ не оставить нищихъ безъ милостыни, научилъ второго своего брата дѣлать такъ, какъ онъ поступалъ съ нищими. Выросъ и этотъ братъ и онъ сталъ ходить съ отцемъ на работу. Тогда они научили меньшаго брата поступать такъ же съ нищими, какъ они дѣлали, когда еще были маленькими. Наконецъ, подросъ и младшій братъ, и всѣхъ троихъ сыновей отецъ сталъ посылать на работу, не разбирая ни воскресенья, ни праздничка. Все время были за работой изъ дня въ день, никогда не видали отдыха.

Вотъ однажды послѣ ярового посѣва, въ воскресенье отецъ посылаетъ своихъ трехъ сыновей рубить лядину. Вышли они въ чистое поле и залились горючими слезами. „Братцы, что у насъ за отецъ: всѣ люди и товарищи идутъ сегодня въ храмъ Божій къ обѣднѣ, а насъ на работу; нѣтъ намъ для отдыха ни одной обѣдни, ни одного воскресенья. Пойдемъ вотъ сюда, ляжемъ да отдохнемъ; а когда увидимъ, что народъ пойдетъ съ погоста, встанемъ и начнемъ рубить лядину“. Пошли, свернули въ сторону отъ того мѣста, куда имъ надлежало идти рубить лядину, увидали чистое мѣсто, посреди на краю ракутовъ кустъ стоитъ. Вотъ они положили свои топоры подъ кустъ, а сами легли и заснули крѣпкимъ, богатырскимъ сномъ. Вотъ проходитъ часъ, другой, народъ уже съ погоста воротился, а они все спятъ; наступаетъ и вечеръ, а ихъ все нѣтъ. И отецъ уже сталъ беспокоится объ нихъ. Пришла и ночь, а дѣти все не приходятъ. На другой день отецъ всталъ и, позавтракавъ, пошелъ отыскивать своихъ сыновей. Приходитъ онъ въ поле и видитъ, что лядина не тронута, а и сыновей нѣтъ. Давай искать ихъ, всѣ кустики обходилъ и осматрѣлъ, а ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Приходитъ домой, собираетъ весь

народъ въ деревнѣ и сообщаетъ о своемъ горѣ. Весь народъ пошелъ на поиски; цѣлую недѣлю ходилъ, искалъ, кажется, всѣ кустики въ поляхъ и въ окружности обходили и по нѣсколько разъ осмотрѣли, а молодыхъ ребятъ не нашли. Дошла эта вѣсть до начальства, вся волость была собрана на поиски ребятъ, но походили, походили, искали, искали, нигдѣ не нашли. Затѣмъ, дали объявки по дальнимъ волостямъ о потерѣ этихъ молодцовъ, чтобы сообщили, не видалъ ли ихъ кто либо. Но все было напрасно. Погоревалъ, погоревалъ отецъ, да уже черезъ многое время и позабылъ. Такъ прошло 30 лѣтъ, какъ потерялись тѣ молодцы. Наконецъ въ 31-й годъ, въ то самое воскресенье, когда они заснули, одинъ изъ нихъ, младшій братъ просыпается и видитъ огромный лѣсъ кругомъ себя и удивляется, чтобы это значило. Будить своихъ братьевъ и говорить: „что это, братцы, ложились мы спать на чистомъ мѣстѣ, а теперь мы точно въ какой островинѣ; да и кустъ-то этотъ раковый былъ небольшой, а теперь смотрите! Точно насъ кто перенесъ!“ Удивляются братья и не понимаютъ, въ чемъ дѣло: что за исторія, мѣсто все то незнакомое, не знаютъ, гдѣ они и находятся. Вотъ наконецъ рѣшили они идти, куда глаза глядятъ — „авось куда нибудь да выйдемъ“. Лишь только они немного поотопили отъ того мѣста, гдѣ спали, видятъ знакомую тропинку. Они и пошли по ней. Затѣмъ видятъ, скотъ пасется въ парянинѣ, а тутъ и деревня. Приходятъ въ деревню, узнаютъ ее и приходятъ въ домъ родителей. „Здравствуйте, батюшка и матушка!“—Закричалъ на нихъ отецъ: „что вы за люди-чужестранцы? Какіе вы дѣти; у меня дѣтей вотъ ужъ 30 лѣтъ какъ нѣтъ“. Переглянулись сыновья между собою и дивятся: что это за 30 лѣтъ, про которые отецъ говоритъ, не понимаютъ они, въ чемъ дѣло, почему отецъ ихъ не признаетъ за сыновей. Увидала мать родимое пятнышко на одномъ изъ сыновей и говоритъ отцу: „вѣдь, это наши дѣтки; не отпирайся,—вонъ видишь у Васеньки то родимое пятнышко“. Обрадовался отецъ, когда призналъ, что это его дѣтки. „Ну, здравствуйте, дѣтушки! Садитесь за столъ, пообѣдайте—поди, голодны, 30 лѣтъ то не ѣвши“. Дѣти сѣли обѣдать и дивятся, какихъ это 30 лѣтъ вспоминаетъ отецъ. Послѣ обѣда отецъ и говоритъ женѣ: „теперь уложи спать, пусть они отдохнутъ, а завтра я допросъ

съ нихъ сниму: гдѣ они 30 лѣтъ пропадали“. Наступаетъ вечеръ. Жена собираетъ ужинъ и говоритъ мужу: „не разбудить-ли сыновей поужинать“. А мужъ и говоритъ: „нѣтъ, ужъ не тревожь ихъ, пусть они спятъ; они можетъ быть 30 лѣтъ не спали, а если въ полночь или раньше они проснутся, такъ ты накорми ихъ ужиномъ и опять уложи ихъ спать“.

Поужинали хозяинъ съ хозяйкой и опять легли спать. Въ полночь просыпается меньшакъ и слышитъ подъ окномъ голосъ, который гласитъ имъ: „эхъ, вы, братцы, въ непріятномъ дому легли вы на упокой. Вамъ тутъ не мѣсто и не домъ, а гдѣ вы 30 лѣтъ спали, такъ утромъ, возьмите топоры и идите на то мѣсто, и срубите себѣ келью, тамъ вамъ вѣковѣчный покой“. Подошелъ меньшакъ къ окну, но видитъ, что никого нѣтъ, легъ на постель и опять заснулъ. Наступаетъ утро. Всѣ поднимаются. Отецъ и спрашиваетъ свою жену: „а что, хозяйка, просыпались дѣтки, кормила ихъ ужиномъ?“—„Нѣтъ, не просыпались, и не кормила ихъ“, отвѣчаетъ хозяйка. Когда отецъ и мать повышли изъ избы, меньшакъ и спрашиваетъ у своихъ братьевъ: „А что братья! вы не слыхали сегодня какъ ночью, насъ гласили?“—Нѣтъ, отвѣчаютъ старшій братъ и середнякъ. — Такъ вотъ что, намъ велѣно идти туда, гдѣ мы 30 лѣтъ спали съ топорами, и строить тамъ для себя келью; тамъ для насъ вѣковѣчный покой“. Подумали про себя братья, услыхавъ это, и рѣшили, что должно быть они и на самомъ дѣлѣ 30 лѣтъ проспали.

Приходитъ отецъ и мать въ избу; сѣли всѣ за столъ позавтракать. Послѣ завтрака дѣти и говорятъ: „ну, теперь, батюшка, наряжай, куда намъ идти и что дѣлать“.—„Нѣтъ, я сначала сдѣлаю допросъ: скажите мнѣ, гдѣ вы 30 лѣтъ пропадали?“ А меньшакъ и говоритъ: „да ужъ допросъ-то, батюшка, послѣ, вечеркомъ, а теперь наряди насъ, поди, лядина-то не рублена у тебя, батюшка, такъ дай хлѣбца, а мы пойдемъ, порубимъ“. Согласился отецъ; велѣлъ хозяйкѣ дать хлѣба, и дѣти отправились съ топорами въ лѣсъ. Приходятъ они на прежнее мѣсто и давай рубить себѣ келью. Наступаетъ вечеръ; дѣтей нѣтъ. Отецъ сомнѣвается. Проходитъ и ночь, а ихъ все нѣтъ. На другой день отецъ пошелъ туда, куда послалъ своихъ сыновей, и видитъ, что болѣе десятины лядины положено, а сыновей

нѣтъ. Безпокоится отецъ о своихъ дѣткахъ: не убило ли ихъ лѣсомъ, когда они рубили лядину, думаетъ онъ, и давай осматривать каждый кустъ. Но какъ ни искалъ, а сыновей не нашелъ. Приходитъ въ деревню, собираетъ сосѣдей, проситъ ихъ поискать своихъ дѣтей. А сосѣди и говорятъ: „вотъ, дядюшка, воскресенье и празднички ты работаешь, а насъ вздумалъ въ будни просить искать твоихъ сыновей. Досугъ-ли теперь искать! Ну, да ладно, пойдемъ ужъ, ребята, дѣлать нечего“. Цѣлую недѣлю они проискали, а ребятъ не нашли.

Вотъ проходитъ двѣ недѣли послѣ потери сыновей. Одинъ сосѣдъ вспомнилъ, что видѣлъ, куда направились эти ребята, и рѣшилъ одинъ доходить до той тропочки. Идетъ по тропочкѣ, приходитъ на поляну и видитъ рубленый лѣсъ, затѣмъ келью. И видитъ черезъ окно, что, всѣ они трое на лавкѣ мертвыми лежатъ: руки скрещены, а передъ каждымъ изъ нихъ лампадка горитъ. Стукнулся въ дверь — не отворить; пошелъ домой и говорить отцу: „дядюшка! я твоихъ дѣтей нашелъ; вонъ тамъ они въ кельѣ лежатъ мертвыми, а передъ каждымъ изъ нихъ горитъ лампадка“. Собралъ отецъ народъ и приходятъ на то мѣсто; отворилъ отецъ дверь, входитъ въ келью и видитъ: въ правой рукѣ большака зажатъ листъ бумаги писанной. Отецъ беретъ этотъ листъ и читаетъ: „родимый батюшка! родимая матушка! простите насъ, что мы хотѣли одну обѣденку поспать, отдохнуть, а послѣ обѣдни поработать. Насъ за обѣдню Господь усыпилъ на 30 лѣтъ. А за то, батюшка, что мы кусочки потихоньку брали и нищей братіи подавали, попали во святые. Съ этого мѣста не троньте, а заявите начальству и пусть здѣсь строятъ монастырь“.

Боровичскій у. 1903 г.

57. [Два брата и вѣдьма-мать].

Жили два брата, каждый на раздѣлѣ, другъ противъ друга. Старшій жилъ съ матерью и человѣкъ былъ богатый. А младшій, имѣя большое семейство, обнищалъ до того, что ни хлѣба, ни скотины, кромѣ одной или двухъ коровъ, не имѣлъ. Повадились два борова богатаго брата ходить во дворъ къ меньшому брату и тамъ иногда по цѣлымъ днямъ проживали. Чувствуя большую нужду во всемъ,